

Сейтхалилова Л.С.

УДК 821.111:94(=512.19)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ КРЫМСКОТАТАРСКИХ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ
БРИТАНСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЛИЛИ ХАЙД «DREAM LAND»

Роман британской писательницы и журналиста Лили Хайд “Dream Land”, аккредитованной в Украине, был впервые опубликован в Лондоне в 2008 году издательством Walker Books. Это произведение о судьбе крымскотатарского народа за возможность вернуться на свою историческую родину, откуда он был депортирован во время второй мировой войны. В бывшем Советском Союзе Лили Хайд на протяжении многих лет освещала культурные и социальные проблемы в международной прессе. Она является автором ряда коротких рассказов, произведений для детей “Riding Icarus” и “Jack And The Dragon’s Tooth”

Лили впервые узнала о судьбе крымских татар, когда написала ряд статей о Крыме, об истории и борьбе крымскотатарского народа за возвращение на родину. Это вдохновило её написание своего второго романа “Dream Land”. Роман повествует о размышлениях и переживаниях двенадцатилетней девочки Сафи (Сафинар) Исмаиловой, прибывшей в Крым вместе со своими родителями в поисках своего родного дома.

Всю свою жизнь дед и родители Сафинар мечтали о возвращении в родную деревню дедушки - Адым Чокрак у подножья Мангуп - Кале в Крыму. Но смена солнечного дома в Самарканде на грязную палатку на «самозахвате» кажется ей настоящим кошмаром. «Сломит ли возвращение на родную землю, где их никто не ждёт, семью Сафинар, или эта земля навеки станет их домом?» - лейтмотив всего произведения.

Автор пронзительно тонко чувствует и передаёт беду целого народа, чётко прослеживает мысли и переживания главных героев, вынужденных заново начинать жизнь в тяжелейших условиях открытого неприятия и конфронтации, унижений и оскорблений.

Лили Хайд хорошо знакома с обычаями, обрядами и образом жизни крымскотатарского народа. Произведение легко читается, автор широко использует реалии крымскотатарского народа из области истории, культуры, литературы, религии, быта. Роман переведён на французский язык самим автором. Он был хорошо принят. В настоящее время сделан перевод этого произведения на крымскотатарский язык. Каковы же были проблемы и трудности, ожидавшие переводчика в процессе работы.

В теории перевода вопрос об адекватности перевода разработан довольно основательно. Адекватным, предположительно, считается перевод, в котором полностью передано содержание и экспрессивно-стилистические особенности текста оригинала. Для сохранения в переводе всех особенностей текста оригинала необходимо учитывать различия, существующие между двумя языками. А их, в таких диаметрально противоположных языках как английский и крымскотатарский достаточно много. Это касается и менталитета народов, и лексического диапазона, религии, культуры, традиций, быта. Всё это составляет особые трудности, как для автора произведения, так и для переводчика. Нужно отметить, что Лили Хайд первый писатель, который обратился к такой трудной тематике, как депортация крымскотатарского народа в 1944 году. И нужно отдать ей должное, она хорошо справилась с задачей. Хотя, можно отметить некоторые неточности, касающиеся традиций крымскотатарского народа. В качестве примера можно обратить внимание на такой момент. Описывая нарядный узел из самотканой материи («богъча») для подарков невесте, среди прочих предметов, автор приводит сравнение украшения с нарядной «перчаткой» для украшения руки крымскотатарской невесты. “Grandpa untangled a hair of earrings like filigree stars and a bracelet linked with delicate silver webbing: a precious glove to adorn the hand of Tatar bride” [1, с.203]; Но в традициях крымскотатарского народа не принято использовать перчатки в качестве украшения или свадебного подарка, это может быть красиво вышитый платок, расшитый драгоценностями с золотыми нитями пояс или головной убор (фес) с золотыми монетками (пул).

В данном случае переводчик счёл нужным акцентировать внимание на самом украшении и не использовать сравнение украшения автора с красивой перчаткой.

«Къартбаба эки дане аджайип, кичкене йылдызчыклар шеклинде япылгъан купелерни, бири-бирине назик кумюш орьменен баглангъан юзюк ве билезликни бир оба маден ичинден айырып алды: бу ильванлар кырымтатар келинининг къолуны яраштырмагъа пек яхшы келише» [С.Л., с.161];

Можно привести ещё один пример:

Использование слова «марама» вместо «фырланта» в качестве девичьего головного убора не совсем верно. Но это не ошибка автора произведения. Это слабое знание своих национальных реалий самими носителями языка. Можно остановиться на таком примере:

“Years ago, when I was seventeen, I brought this cloth to him, the *bogcha* in which to wrap my betrothal gifts. Here is the *marama*, the embroidered scarf for Safinar, that’s what I begged from Uncle. I never dreamt of this...” [1, с.204];

В переводе это прозвучало так:

«Йыллар эвельси. Он еди яшларында олгъанда, бу къумачны, *богъча*, никях эдиелерни сармакъ ичюн, мен онгъа кетирген эдим. Мына нагъышлангъан *фырланта*, мен оны нишанлым ичюн алгъан эдим. Сафинарға кумюш парчасы. Мен оны эмджемден ялварып алгъан эдим. Бойле олур деп, бир вакъыт акъылыма да кельмеди...» [С.Л., с.161];

Или далее в том же тексте:

“It’s a *marama*,” Zarema said, leaning over to look.” A girl’s headscarf. And I think it’s wrapped inside this other cloth because it’s a betrothal gift. Is that right?” She looked at Grandpa, but he did not reply. “It’s old. People have forgotten these symbols now, how to embroider them and what they mean” [1, с.240];

Переводчик так перевёл этот абзац:

«Бу *фырланта*»- эгилип деди Зарема. «Къызлар ичюн баш орьтюси. Мен беллесем, башкъа бир къумачкъа сарылгъанынынъ себеби, чюнки о нишан эдиеси оладжакъ эди. Догърумы?» Зарема Къартбабагъа бакъты, лякин джевап кельмеди. «Пек эски. Шимди халкъымыз бу темсиллерни, насыл нагъышлангъаныны манасыны унутты» [С.Л.,с.195];

В сноске после текста даётся объяснение, в чём разница между *марама* и *фырланта*.

«Марама» - это женский головной убор, сделанный из более плотной ткани. «Фырланта» изготавливается из тонкой, прозрачной ткани. В данном тексте будучи свадебным подарком для невесты, должно было быть использовано слово «фырланта» Но, повторюсь, это не может рассматриваться как ошибка Лили Хайд. За период, проведённый в депортации, крымскотатарский народ народ позабыл многие свои реалии: традиции, обычаи и обряды. И только благодаря самоотверженной работе Крымскотатарского музея искусств, а также организации фольклорных экспедиций по самым отдалённым деревням и посёлкам Крыма с целью сбора информации о прошлом нашего народа, помогает восстановить истинные реалии крымскотатарского народа. Последний такой проект был реализован в 2007-2008 годах Крымскотатарским музеем искусств (КМИ) совместно с Научно-исследовательским центром Крымского инженерно-педагогического университета при поддержке Посольства Королевства Нидерландов в Украине в рамках программы МАТРА КАР. Директор КМИ, Сафие Эминова говорит: «Мы посетили более 60 деревень, провели более 100 встреч с местными жителями и лидерами. Исследовали архитектурные строения, собрали образцы музыки и поэзии, услышали воспоминания, увидели фотографии и зафиксировали всю эту информацию о живом крымскотатарском наследии»[2,с.1]; Следовательно, очень пунктуальной и скрупулёзной в деталях британской писательнице, пытающейся до мельчайших подробностей передать реалии крымскотатарского народа, кто-то, не ведая того, подал неверную информацию, потому что в депортации выросло не одно поколение никогда с этими реалиями не знакомое. Или, может быть, имевшее весьма туманное представление. Переводчику при переводе этих неточностей пришлось восстанавливать пробелы истории. Мы должны быть благодарны Лили Хайд за её умелое использование реалий, вплетение его в полотно художественного текста. В устах британской писательницы впервые ожили и заговорили на английском языке такие крымскотатарские лексические единицы, как ‘aga, ana, balam, chaykhana, chebureki, Inshalla. kalpak, Khartbaba, kobete, Koran, marama, Medresse, nar, Ramadan, Salaam aleikum, Surgunlik, tamga, ata. Они оживили текст. Сделали его более реальным, близким к документальному произведению. Можно было бы пожелать автору продолжения работы над темой, рассказать о жизни народа в Крыму двадцать лет спустя после возвращения на Родину. Благодаря уникальному роману автора, мир познакомился с самобытными обычаями и традициями крымских татар. Автор удалось до мельчайших подробностей передать сущность целого народа, имеющего очень древние корни.

Источники и литература:

1. Lily Hyde. Dream Land / Lily Hyde. – London : Walker Books, 2008.
2. Living Culture of Crimean Tatars = Живое наследие крымских татар : каталог. – Симферополь, 2008. – 32 с.
3. The Oxford - Russian Dictionary : English-Russian. – Oxford, Moscow, 1999.
4. The Larger Redhouse Portable Dictionary : English-Turkish, Turkish-English. – Istanbul, 2000.
5. Къырымтатарджа-русча-украиндже лугъат : т. 1 / ред. С. М. Усеинов. – Симферополь : «Оджакъ» нешрияты, 2006. – 416 с.
6. Къырымтатарджа-русча-украиндже лугъат : т. 2 / ред. С. М. Усеинов. – Симферополь : «Оджакъ» нешрияты, 2006. – 328 с.
7. Къырымтатарджа-русча-украиндже лугъат : т. 3 / ред. С. М. Усеинов. – Симферополь : «Оджакъ» нешрияты, 2006. – 432 с.

Сізова К.Л.

УДК 821.161.2

ТРАНСФОРМАЦІЇ ОПОЗИЦІЇ

«ГОЛОВНИЙ ГЕРОЙ – ДРУГОРЯДНІ ПЕРСОНАЖІ»

Розвиток літератури має у своїй основі певний алгоритм. Розгляд літературної еволюції дозволяє простежити певні закономірності змін принципів зображення людини, концепції героя, зумовлені ідейно-філософськими зрушеннями, трансформаціями підходу до осягнення життя літературою, переосмисленням функції мистецтва. В аспекті дослідження цих змін заслуговує уваги опозиція «головний герой – другорядні персонажі», яка є фундаментом архітектоніки твору, його образної системи. Метою даної розвідки є дослідження її трансформацій у мистецтві XIX – XXI століть.

Літературні напрями виникають у боротьбі з нормами і законами попередніх, причому кожний із них як мету постулює наближення до максимально правдивого зображення дійсності, звинувачуючи літературних «батьків» у консерватизмі й закостенілості. Романтизм, що руйнував ідейний раціоналізм і формальні канони класицизму та просвітництва, створив свої канони, мабуть, ще суворіші, ніж у попередників. Реалізм, вступивши у суперечку з романтизмом, побудував на його уламках теж досить жорстку в ідейно-тематичному й формальному аспекті художню систему.

Модернізм стверджував повну відмову від усіх літературних традицій і зробив каноном саме деструкцію і нігілізм – писати «по-старому», тобто реалістично, у модерну добу вважалося хіба що не злочином. Однак по суті цей напрям знов відроджував нормативну естетику романтизму (з надзвичайним